

УДК 821.161.1:140.8

DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-489-498

Онтология природы в романе П. С. Бахлыкова «Медвежья падь» в контексте русской «деревенской прозы» XX века

И. М. Куликова

*Сургутский государственный университет,
г. Сургут, Российская Федерация,
kim0153@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена рассмотрению формальных и содержательных сторон романа югорского прозаика П. С. Бахлыкова «Медвежья падь» в аспекте обозначенной проблемы.

Цель: определение своеобразия в решении писателем проблемы «человек и природа» в её онтологическом измерении, рассмотренном в контексте литературного процесса последней трети XX века.

Материалы исследования: для решения поставленной цели исследована научная, критическая, справочная литература по творчеству П. Бахлыкова и проблемам современного литературного процесса. Основой исследования стал текст романа «Медвежья падь».

Результаты и научная новизна. Основные результаты исследования связаны с выявлением специфики художественного раскрытия в произведении П. Бахлыкова онтологического характера проблемы «человек и природа», определяемой его философскими воззрениями. Научная новизна обусловлена выделением особенностей преломления в текстовом пространстве романа стилистических черт «деревенской прозы»: подобный опыт характеристики романа П. Бахлыкова предпринят впервые.

Ключевые слова: П. С. Бахлыков, литература Югры, «деревенская проза», онтология природы, картина мира.

Благодарности: автор выражает благодарность рецензентам, приславшим отзывы на статью.

Для цитирования: Куликова И. М. Онтология природы в романе П. С. Бахлыкова «Медвежья падь» в контексте русской «деревенской прозы» XX века // Вестник угроведения, 2020. Т. 10. № 3. С. 489–498.

Ontology of nature in the novel by P. S. Bakhlykov «The Bear Creek Valley» in the context of Russian «village prose» of the XX century

I. M. Kulikova

*Surgut State University,
Surgut, Russian Federation,
kim0153@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the consideration of the formal and content aspects of the novel by the Yugra prose writer P. S. Bakhlykov «The Bear Creek Valley» in the aspect of the researched problem.

Objective: definition of originality in the writer's solution of the problem «man and nature» in its ontological dimension considered in the context of the literary process of the last third of the XX century.

Research materials: the scientific, critical, reference literature on the work by P. Bakhlykov and the problems of the modern literary process is studied. The basis of the study is the text of the novel «The Bear Creek Valley».

Results and novelty of the research: the main results of the research are related to the identification of the specifics of artistic disclosure in the work by P. Bakhlykov of the ontological nature of the problem «man and nature» determined by his philosophical views. Scientific novelty is due to the identification of features of refraction in the text space of the novel of stylistic features of «village prose»: this is the first attempt to characterize the novel by P. Bakhlykov.

Key words: P. S. Bakhlykov, literature of Yugra, «village prose», ontology of nature, picture of the world.

Acknowledgements: the author expresses gratitude to the reviewers.

For citation: Kulikova I. M. Ontology of nature in the novel by P. S. Bakhlykov «The Bear Creek Valley» in the context of Russian «village prose» of the XX century // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2020; 10 (3): 489–498.

Введение

Наследие П. С. Бахлыкова – югорского краеведа, художника, публициста, писателя – не получило широкого всероссийского признания, однако весьма значимо для региональной культуры, в утверждении её парадигм. Официальным признанием вклада П. Бахлыкова в культуру стали присуждённые ему почётные звания и награды, учреждённая в 2000 г. стипендия его имени, научные конференции – «Бахлыковские чтения».

Вместе с тем значение наследия П. Бахлыкова не ограничивается ареалом региональной культуры. Будучи непрофессионалом в искусстве и литературе, он активно занимался самообразованием, во многом ориентируясь на тенденции современного художественного процесса, своеобразно реализуя их в своём творчестве. С этих позиций роман «Медвежья падь» представляет интересный материал для наблюдений. Доминирующей задачей статьи стало выявление в стилевом пространстве романа некоторых тенденций литературного процесса последней трети XX в. Рассмотрение произведения в контексте «деревенской прозы» позволяет не только вписать его в рамки этого значимого литературного направления, но и глубже понять содержательный смысл и художественную специфику романа. Цель исследования – определение своеобразия в решении П. Бахлыковым проблемы «человек и природа» в её онтологическом измерении.

В ходе проводимого исследования была изучена и систематизирована существующая критическая и научная литература по направлениям профессиональной, общественной, творческой деятельности П. Бахлыкова, теоретические изыскания по проблемам современного литературного творчества, справочные источники, материалы научных конференций. В процессе исследования было выявлено, что подходы к натурфилософии П. Бахлыкова содержатся в работах, посвящённых его деятельности этнографа, публициста, живописца, но доминируют здесь экологический и нравственный аспекты проблемы. Однако ими не исчерпываются объём и глубина наследия П. Бахлыкова. Литературовед В. Рогачев справедливо подчёркивал, что нет полной научной оценки трудов подвижника [15, 14]. В ходе работы было выявлено предельно малое число публикаций, посвя-

щённых произведению, среди которых можно выделить статьи В. Рогачева [14; 15] и отклики О. Мирнова на публикации отрывков из книги [13, 133], где отмечены некоторые особенности национально-культурной проблематики. В исследованиях о романе онтологический ракурс проблемы обозначен [14, 8], но не стал предметом специального анализа. Роман не вписан в контекст крупнейшего направления второй половины XX в. – «деревенской прозы», акцентирующей внимание на метафизических основаниях единства человека и природы. В. Рогачев, выделив в тексте синтез различных жанровых и стилевых традиций [14, 8; 15, 20], оставил без внимания связь романа (мировоззренческую и стилевую) с «деревенской прозой», доминировавшей в общественном сознании и литературе в момент написания произведения. Анализ «Медвежьей пади» в аспекте философского осмысления отношений человека с природой позволяет выявить связи и пересечения романа П. Бахлыкова с онтологическими мотивами «деревенской прозы» с одновременным определением специфики авторской позиции и стилевых черт романа, что определяет новизну проведённого исследования.

Роман «Медвежья падь» не теряет актуальности: проблема отношений человека с природой приобретает всё большую остроту. Его значимость определяется и соотносённостью с «деревенской прозой», незатихающие дискуссии о которой свидетельствуют о востребованности направления. Литературоведы Е. Галимова и Н. Цветова, анализируя коммуникативную ситуацию массового восприятия «деревенской прозы» сегодня, пришли к выводу о необходимости подобных произведений, возрождающих «забытые под давлением цивилизационных процессов представления о времени и пространстве» [5, 656]. В этот литературный и общественный контекст органично вписывается почти забытый роман П. Бахлыкова «Медвежья падь».

Материалы и методы

Материалом исследования стал малоизученный роман П. Бахлыкова «Медвежья падь» – единственный опыт автора в области художественной прозы. С целью выявления полноты концептуальных взглядов автора романа привлекались его публицистические статьи и

очерки, собранные в издании «Подвижник из Угута» и книге «Юганские ханты», а также живописные опыты, посвящённые философскому осмыслению отношений человека с природно-ландшафтной средой.

Включенность романа П. Бахлыкова в современный литературный контекст выявила его близость с «деревенской прозой», чем обосновано обращение к научным исследованиям, связанным с данным художественным направлением. Автор статьи разделяет точку зрения тех литературоведов, кто признает статус «деревенской прозы» в качестве феноменального явления современной литературы (В. Ковский, Ю. Селезнев, Р. Комина, А. Метченко, С. Петров и многие другие) и рассматривает её не только как стилевую, но и как мировоззренческую общность.

Достижение поставленной цели и задач осуществлялось с опорой на синхронический, типологический, сравнительный, историко-литературный, описательный методы.

Результаты

Взаимоотношения человека и природы стали темой, «скрепившей» все направления деятельности П. Бахлыкова. К философскому осмыслению проблемы подвижник шёл от практики жизни через экологическую публицистику. Он был убеждён, что природа и животный мир «и сегодня влияют на мировоззрение человека, его духовный мир» [13, 58], верил в возможность «союза» человека с природой. Мировоззренческая, гражданская и художественная позиция писателя определила особенности содержания и стиля его романа. В. Дильтей отмечал, что жизнепонимание художника создаёт «вторичную связь» между произведением искусства и мировоззрением, которое «определяет внутреннюю его форму» [6, 229–230].

Роман П. Бахлыкова (1979–1987 гг., опубликован в 1997 г.) не выбивался из литературного процесса времени. Авторская задача сформулирована уже в эпиграфе («Памяти предков и родному краю посвящая эту книгу» [1, 17]), что вводило роман в контекст «деревенской прозы», родовая черта которой – «кровная» сопричастность своей земле. Эта особенность была выведена в названия первых монографических исследований: «Человек на земле» Вс. Сурганова (1975) и «Самая кровная связь»

Ф. Кузнецова (1977). Предислание отражало и другую черту направления – стремление выявить обусловленность настоящего прошедшим. Объектом художественного исследования писатель делает западносибирские слои крестьянства, пришедшие на территорию Югании (Сургутское Приобье), нашедшие общий язык с коренным населением, издавна освоившим эти земли, и установившие гармоничные отношения с природным миром. В развитии сюжета выделяются две основные переплетающиеся линии. Одна разворачивается вокруг исторических событий XX в. (революции, войны и проч.), разрушающих привычный уклад жизни. Доминирующей становится линия, связанная с осмыслением отношений человека с природой, а «внешние» события выступают в качестве своего рода «субстрата», позволяющего дать взгляд на проблему в её исторической динамике. Перемены в коллективном сознании, определяемые ходом истории, П. Бахлыков соотносит с характером изменений в отношениях людского социума с природой, постепенном разрушении «изначального договора» между ними. Объединяет обе линии главный герой – охотник Прокопий Кедров – свидетель, современник, участник событий, основной выразитель авторского голоса.

Отмеченный Г. Белой на рубеже 70–80-х гг. онтологический аспект проблемы в «деревенской прозе» [3, 48] во многом был обусловлен сакрализацией отношений с природой, приданию ей статуса «идеала», «образца» для организации жизни. Основной пафос направления К. Парте определила сочетанием «the radiant past» [21], что в данном контексте более соответствует значению «сияющее прошлое», ибо природа становится своеобразным «маяком» (излучающим яркий свет высоким и далёким ориентиром) для разумного жизнеустройства. М. Дмитриева отмечает наличие этой «идиллии, отражающей идеал блага», в живописи П. Бахлыкова [7, 99], Н. Цымбалистенко определяет это как «экологический утопизм» [19, 187].

Природа в натурфилософии П. Бахлыкова воплощает космологический порядок, где всему определены своё место и роль. Одно из предназначений природы – обеспечивать биологическую сторону жизни людей: они рубят для изб деревьев, которые «со скрипом и жалобным стоном ложились ... на породившую

их землю» [1, 46]; убивают зверя, вылавливают рыбу. Кедров философски оценивает «жестокую суть человеческого существования»: «...люди вынуждены лишать жизни зверей и птиц, ...чтобы выжить самим» [1, 172]. Природа тоже жестока к человеку: в лапах медведя страшно гибнет старый Костка; умирает покалеченный «хозяином» отец Прокопия; обесилевшего Кедрова готовы растерзать волки. Установить «баланс» во взаимоотношениях должен человек: не переступить «границу, за которой поголовное хищничество» [1, 227]. Осознание необходимости «пределов» связывалось в работах «деревенщиков» с проблемой «природосбережения». С. Залыгин будет говорить о необходимости воспитания экологического мировоззрения как единственного пути спасения природы. И. Рудзевич подчёркивала усиливавшийся в работах писателя «мотив боли за всё живое» [22, 247]. В обсуждение вопроса сохранения природы были вовлечены писатели-сибиряки В. Астафьев и В. Распутин. Тревожно звучали статьи П. Бахлыкова в защиту природы Югры и разрушаемой системы государственных заповедников [2]. В «Медвежьей пади» рациональное отношение к природе дано в эпизодах сохранения артелью рыбного улова, охраны стада лосей Кедровым, в сцене «увещевания» Смолина односельчанами и других. Публицистически заострена мысль в наставлениях Комарова, повторяющего слова «его друга Прошки...и кузнеца Митрия», сыну: «Это наше царство-государство, Стёпка! Мы – самые богатые... И всё беречь надо» [1, 210].

Но «экология как концепция природосберегающих идей» в творчестве «деревенщиков» постепенно перешла в круг более значимых фундаментальных понятий о «метафизических и духовных основах человеческого бытия» [17, 39-40]. В их произведениях усиливается натурфилософский аспект, утверждается кровная связь двух сфер бытия: «Человек вышел из природы, её души, её крови» [13, 50]. Размышления героев «Медвежьей пади» – Кедрова, что если люди «погубят естественную жизнь леса, то сами тоже погибнут», и Вахлова о необходимости «ценить взаимный союз» – переводят экологическую проблему в онтологический план, рассматривающий человека в качестве органической части природы.

Натурфилософский подход был заявлен уже в названии, привязанном к ландшафту, а история

наименования местности утверждала природу как силу, определяющую человеческое существование. В центре событий – небольшая сибирская деревня Вахлова, сопоставимая с Лебяжкой С. Залыгина и Матёрой В. Распутина. Определённая изолированность территории (Вахловой и Матёры – по географическому признаку (острова), Лебяжки – в силу её умения «жить сама по себе») позволяют им продлить «времена гармонического бытия вне технократической цивилизации» [19, 187]. Естественность и «изначальность» такого существования подчёркивает мифопоэтическая символика, широко используемая «деревенской прозой» в качестве художественного способа репрезентации бытия. «Сопряжение бытового и метафизического» в «Медвежьей пади» прослеживается в истории возникновения Вахловой и связано с универсалией воды как первоэлемента Вселенной [12, 198], с угорской и славянской мифологией (остров, «клочок» земли среди водной стихии) [12, 1029; 16, 31, 96]. Образ основателя деревни Дмитрия Ивановича Вахлова соотносим (по роду занятия) с архетипическими представлениями, где кузнецы наделяются созидательной силой, функциями культурного героя, мастера и художника, участвуют в мироустройстве [12, 302, 562–563, 566]. Именно Вахлов выбирает место для поселения: присмотрел «привлекательное местечко на острове», «срубил собственноручно первое дерево» и вместе с тремя мужиками поставил первые срубы [1, 46]. Вахлов хорошо образован, философ и художник (резчик, ювелир, иконописец) и одновременно человек практичный (купец и сельский кузнец). Он «единственный грамотный человек во всей деревеньке, потому и собирались часто у него люди послушать книгу, порассуждать о жизни» [1, 44]. К нему обращаются за советом, решением спорных вопросов. В этой ипостаси абсолютного «лучшего человека» образ Вахлова приобретает явную символическую наполненность, играя важную роль в философской рефлексии автора.

Природный и «мифологический ландшафт» в романе связан с кедром, елью, сосной. Берёза, особо ценимая угро-финскими народами и чаще почитаемая как Небесное либо Мировое дерево [20, 200–202; 4, 85–86], остаётся в основном приметой реального ландшафта. У П. Бахлыкова табуирован «могучий, в три обхвата, кедр» (с ним связаны многие культовые места, в том

числе в районе Васюгана), а стоящая рядом с ним ель также может выполнять функции священного дерева [4, 85–86]. Описание в предпоследней главе поляны с громадными кедрами и елями («их верхушки пронзали небо») соотносимо с отмеченным у обских угров мифом о Мировом дереве как оси, скрепляющей мир [4, 85], места пересечения макро- и микрокосма. Изображение высоких деревьев, пронзающих границу между мирами – нередкий сюжет в работах художника-философа Г. Райшева, к кругу которого относят Бахлыкова-живописца [10, 785–786; 15, 15]. Упоминание о неизвестно почему возникшей в низменном месте горе с первым остяцким городищем у подножия отсылает к её архетипу как инварианту Мирового древа [12, 257]. Эти реальные «овеществлённые символы» (деревья и гора) помогают писателю метафизически рассматривать вопрос взаимосвязанности сфер бытия.

Актуализируя базовые архетипические смыслы, П. Бахлыков сосредоточен на реалиях земного существования людей, погружённых в природный мир. В этом контексте важную роль в художественном пространстве романа играют мифологемы-образы «лес» и «река», связанные с реалиями непосредственной среды обитания обских народов и воспринимаемые этническим сознанием как «дом», «место существования», «защищающее пространство». Для наиболее значимых героев П. Бахлыкова – русского и хантыйского охотников Кедрова и Комарова – лес является родной стихией, он кормит, обогревает, определяет миропонимание, поступки, жизненный путь. «Сыном тайги» называет автор Ефима; «с детства изучал лесную грамоту Прокопий» [1, 59, 19]. Мотив леса соотносится и с развиваемыми в культуре того периода идеями Ф. Достоевского и Л. Леонова о лесе как колыбели русской нации и государственности, что отмечали многие исследователи (Н. Грознова, Т. Вахитова и др.). Отсюда идут философские размышления Кедрова: «Лес – самая надёжная колыбель здешних людей. Им не обойтись без леса, и пока будут стоять леса на русской, сибирской земле, пока в ладу с их жизнью будет человек, будет жива и Россия» [1, 227]. Большое значение имеет и река для героев романа: их земная жизнь протекает на берегах многочисленных рукавов и проток Оби, они относятся к ней «как к родной матери». В понимании реки отражены реалии жизни

(«это и кормилица») и общемировые универсалии («бесконечная дорога, дальние странствия»), её описание даётся в духе фольклорной традиции («кареглазая речка-таёжница», «колдовская сила реки» и др.) [1, 209].

Идеей природы как «дома и отечества» (М. Пришвин) определено введение в тексты «деревенщиков» образов «природных», «естественных» людей. Образ Ефима Комарова наиболее близок по своим характеристикам Семёну Прутовских С. Залыгина: «лесной был человек, ... но и лес тоже ведь был Семён» [8]. Ефим «растворён» в лесном бытии. Это выработало в нём безошибочное чутьё к правде и неправде жизни (так, он убивает отличившегося жестокостью белого офицера). Комаров – единственный из сородичей, кто не ушёл далеко в лес, принимает участие в жизни русских (сообщает, что Смолин «портит кедру», пытается спасти артельную рыбу, выступает посредником в делах купцов и др.). Но он более «природен», чем Кедров – самый близкий к природе из русских героев романа. Ефим время от времени выходит из леса к людям, Кедров, напротив, уходит от людского сообщества в лес, стремясь обрести внутренний покой и утешение. Введение образа Комарова связано с активным интересом П. Бахлыкова к культуре и образу жизни этноса, в системе представлений которого природное бытие по отношению к социальным формам жизни признаётся первичным и объективным, не зависящим от человеческих интересов. Этот мотив заострён в его живописи, где мир ханты существует лишь в отношении к миру природы [9, 292]. Ценность такого существования подчёркивают этнографические описания традиционного образа жизни Ефима, Костки, шамана Паньки и отчасти русских старожилов края, не отделяющих себя от природного мира.

В непосредственном контакте с природой раскрывается сущность человека, из её законов выводятся правила социального бытия. «Лучшие люди» Лебяжки создают Комиссию для защиты Белого Бора, герои П. Бахлыкова спасают кедровый лес. Вахлов убеждён: «Быть человеком – значит помогать природе в её творчестве» [1, 225]. Его мысль, что «именно природа придаёт человеку лучшие духовные качества» [1, 224], сродни позиции персонажей С. Залыгина, для которых природа – «честь и вера человеческая», «порядок и порядочность» [8]. Герои «Медвежьей пади» (подобно героям

В. Астафьева, Ч. Айтматова, Ю. Рытхэу и др.) верят в непреложность закона: сегодня убьёшь природу – завтра будешь мёртв сам. Реализация принципа у П. Бахлыкова связана с образом Смолина: безжалостно вырубавший кедр ради сиюминутной выгоды, «в злобной решимости» уничтоживший сохранённую артелью рыбу, когда классовое берёт верх над общечеловеческим, он в итоге убивает сына, прекращая жизнь своего рода.

В зрелой «деревенской прозе» утверждается принцип равноценности любой жизни, даже той, которая «с нашей человеческой точки зрения кажется нижестоящей» [23, 212]. Этот мотив заострён в новелле В. Астафьева «Царь-рыба», рассказе В. Распутина «Видение». Герой П. Бахлыкова приходит к пониманию, что «птицы и звери – тоже живые существа, как и люди» [1, 172]. В романе нередки эпизоды, когда «истории жизни» зверей поданы как рассказы о человеческой судьбе. Таковы описания жизни белого кобеля [1, 110-114] или медведя, убившего Костку [1, 104-108], образа жизни воробьёв [1, 208], бурундуков [1, 227], муравья [1, 120] и др. Болью пронизана сцена убийства Ефимом лося во время охоты. В последние секунды своего земного бытия зверь (уже с перерезанным горлом) «увидел» мать, «кинулся навстречу и уткнулся окровавленной мордой в мохнатый её бок» [1, 66]. «Живое отношение к живой жизни» [23, 215] подчёркивают многочисленные поэтические описания природы, метафоризация природных явлений: «протяжные стоны умирающей старой ели и вздохи уставшего кедра, державшего её в своих объятиях» [1, 232]; «ещё крепкий Дед-мороз», уже не могущий «тягаться с юной, трепетной молодухой-весной», снимает «большую снежную шапку», машет варежкой и удаляется в лесные чащобы [1, 172].

Инстинктивное «стремление присоединиться к другим формам жизни» (обозначаемое Э. Уилсоном понятием «биофилия» [24, 85] как внутреннее ощущение единства с природой, подчёркивающее статус человека в качестве элемента биосистемы планеты), П. Бахлыков «переводит» в план осознанного понимания природной основы человеческого существования, утверждая возможность восстановления утраченной гармонии биологического и человеческого в человеке. Закрывая «книгу жизни», Вахлов сожалеет, что не сбылась его мечта

слиться с лесными жителями «воедино мыслями и переживаниями», «любоваться красотой земного мира и философствовать» [1, 224-225].

Онтологический ракурс рассмотрения проблемы «человек и природа» фокусирован в трёх последних главах. Центральное положение в «триаде» занимает предпоследняя глава: воспоминание-описание посещения молодым Кедровым с сыновьями ток-озера. Здесь концентрированно выражены основные мысли автора, его «благоговетие перед жизнью» (А. Швейцер). В этом «настоящем Берендеевом царстве» происходит «летний праздник»: «радостно трепещет» листва, «лесные запахи дурманили воображение», а из-под ветвей старой ели «глядел на пришельцев древний идол» с «печальными глазами» [1, 226, 229]. Это место богатое ягодами, рыбой, птицей, зверем. Здесь «отдыхает душа, освежаются телесные силы» [1, 226]. Здесь в очередной раз заострена мысль о недопустимости прерывания связи поколений, именно здесь Кедров рассуждает о лесе как основе нации и колыбели народов Сибири.

Предшествующая ей глава («Дмитрий Иванович Вахлов закрывает свою книгу жизни») позволяет автору выделить ключевые положения своей концепции и подчеркнуть символичность образа Вахлова как «идеального героя» уходящей эпохи гармонии с природным миром. Вскоре после его смерти Прокопий Кедров выйдет из своего лесного затворничества к людям. Одновременно с ним, но независимо от него, в этом направлении будет идти ханты Ефим Комаров (их пути сойдутся в момент завершения романного повествования).

Движение стариков (в последней главе), концентрирующих опыт своих народов, к современному состоянию мира, в контексте проблемы «человек и природа» имеет разное философское прочтение. В таком финале может быть заключён апокалипсический «аккорд»: конец «мифа» о гармонии с миром природы, признание победы технической цивилизации. Доминирование жизнеутверждающего пафоса над эсхатологическими мотивами в текстах «деревенщиков» исследователи чаще связывают с характером народного (архаического, мифологического) мировоззрения: соотносённостью природных циклов с течением любых форм существования (в том числе человеческой жизни), следовательно – неистребимостью жизни как таковой. Старуха Анна

в «Последнем сроке» В. Распутина ощущает окончание земного пути как естественное событие, поскольку убеждена, что всё смертно, «кроме земли и неба», которые «гарантируют ей продолжение жизни детей и внуков, примирающее героиню с происходящим» [18, 41, 47]. Эта уверенность в неизбывности природы, в непрерывной цикличности временного потока (следовательно, сохранении выверенных веками принципов существования) снижает трагизм происходящего с апокалипсического уровня до надежды в возможность переустройства мира на началах, которые С. Залыгин формулировал как «разумный союз с природой». В таком дискурсе «финальный аккорд» романа можно рассматривать как момент смены циклов, знаком которого становятся возникающие на горизонте дома Вахловой.

Анализируя реализацию «деревенской прозой» эсхатологического канона, Н. Цветова отмечает обязательное для её героев принятие последнего решения, высвечивающего смысл завершающегося жизненного пути. Таким решением для Кедрова и Комарова стал выход к людскому сообществу, смысл которого можно определить как стремление «к обретению гармонии мироощущения, исключаящей антитезы «я и мы»..., «я и мир»», как «постижение непрерывности жизни и приближение к её «единому смыслу»» [18, 53, 51]. Особо значим здесь образ Комарова: «природный человек», он идёт не в глубь тайги, а вместе с Кедровым выходит к современному состоянию мира. Встречей героев писатель подчёркивал значимость опыта «малых народов», сохранённого ими единства с природой (спасение Ефимом друга от стаи волков приобретает символический смысл). В последней сцене стираются конкретные характеристики пространства (описание метели), фигуры стариков сливаются в образ «просто человека», способного ощутить «чувство связанности со всем Сущим» [18, 67]. Кольцевая композиция романа (начало и конец книги – описание последней зимовки старого охотника) позволяет проследить логику авторской рефлексии и закономерность выводов героя: осознание кровной связанности всего живого, понимание, что птицы и животные – существа чувствующие, испытывающие потребности, как люди, что человеческие ценности должны согласовываться с природными, а не наоборот, что люди, как единственный разумный вид

на земле, должны нести «безграничную ответственность за всё живое на земле» и «оставаться верными таинственной воле к жизни, заложенной в нас» [23, 218, 203], способствуя «самоосуществлению» бытия.

Обсуждение и заключение

Роман П. Бахлыкова «Медвежья падь» сохраняет значимость и актуальность в контексте общего кризисного состояния современной цивилизации. Наиболее остро нарушение жизни человечества выражается в его отношениях с природной средой. Многие положения синтетической эколого-философской концепции П. Бахлыкова пересекаются с современными учениями и движениями, связанными с философским, экологическим, нравственным осмыслением отношений природы и человека, – такими, как экоцентризм, биоцентризм, экологическая этика, «глубинная экология», этика «благоговения перед жизнью» А. Швейцера. В работах П. Бахлыкова природа предстаёт в качестве живой материальной реальности, создавшей человека и воздействующей на его духовное существование. Воспринимая разрушение природы как угрозу самой жизни, писатель противопоставляет рационально-прагматическому мироотношению гармоничный, разумно организованный и целесообразный мир природы. Цель развития сущего П. Бахлыков видел в преодолении «неродственности» (Н. Федоров), взаимного отчуждения между человеком и природой. Ответственность за восстановление утраченного единства он возлагал на человека. Роман «Медвежья падь» можно рассматривать как своего рода завещание подвижника, поскольку он был опубликован незадолго до ухода П. Бахлыкова из жизни и затронуты в нём вопросы, решение которых было смыслом его земного существования.

В художественном решении проблемы отношений человека с природой в её онтологическом измерении П. Бахлыков близок к «деревенской прозе», что проявляется в понимании природы как «дома и отечества», обусловленности мировоззрения героев ландшафтом, поиске органичности в развитии мира, где ориентиром движения к цельности «лада» служит природа, а доминантой познавательной деятельности людей является установление гармонии между природным и человеческим бытием. Сюжетное

противостояние двух миропорядков (дисгармонии – человеческого и гармонии – природного) позволяет сопоставить разные мировоззрения – препятствующее уничтожению природы и содействующее этому. Отношение к природе раскрывается как основа нравственности, «естественность» расценивается как главное проявление человечности. Реализация принципа историзма определила композицию книги (воспоминания и «микросюжеты»), позволив выделить ключевые моменты авторской концепции. Стремление выявить метафизические основания единства природы и человека обусловили обращение к символике мифопоэтических универсалий, придание персонажам и реальным событиям символического звучания, что можно рассматривать в качестве основного художественного приёма репрезентации бытия через посредство «идеального сущего», в роли которого выступает природа.

Типологическая близость позволила выявить своеобразие романа. П. Бахлыков принадлежал к числу тех мастеров слова (прежде всего представляющих культуру народов ханты и манси, среди которых – Е. Айпин, М. Анисимкова, М. Вагатова, А. Конькова, Г. Лазарев, Т. Мол-

данова, Р. Ругин, П. Салтыков, А. Тарханов, Ю. Шесталов, М. Шульгин и другие), кто вводил в литературу образ Югры, сделав её «предметом художественного изображения и осмысления ...как культурно-исторического феномена» [14, 44]. Это определило выбор и характер изобразительных средств, наличие этнографических описаний в произведении. Роман выделяется введением этнического «компонента» (герои, мифологемы), играющего особую роль в философском осмыслении проблемы, рассмотренной в её временном развитии.

Наследие П. Бахлыкова остаётся не изученным в полном объёме, до конца не определено своеобразие его творческой лаборатории. Продуктивным представляется сопоставление романа П. Бахлыкова с мотивами этнической прозы, определение функций «совмещения» разнокультурных концептов в организации текста, исследование художественной картины мира, отражающей объективную реальность, дающей знание о природной основе человеческого бытия, нацеленной на постижение сложности отношений человека с миром и смысла его существования на земле.

Список источников и литературы

1. Бахлыков П. С. Медвежья падь: Роман. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 240 с.
2. Бахлыков П. С. Юганские ханты: история, быт, культура. Тюмень: СофтДизайн, 1996. 208 с.
3. Белая Г. Всечеловеческое бытие // Вопросы литературы. 1981. № 3. С. 48–53.
4. Волдина Т. В. Образ древа жизни в традиционной культуре обских угров в контексте реинкарнации // Финно-угорский мир. 2015. № 4. С. 84–90.
5. Галимова Е. Ш., Цветова Н. С. Динамика медиапрезентации одного литературного феномена // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 650–663.
6. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 213–255.
7. Дмитриева М. В. Наивная живопись Петра Бахлыкова в контексте жанра // V Бахлыковские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 14–17 сентября 2014 г. Сургут: РИО СурГПУ, 2016. С. 99–103.
8. Залыгин С. П. Комиссия: Роман. М.: Современник, 1988. URL: https://dom-knig.com/read_250050-1 (дата обращения 18.12.2019).
9. Куликова И. М. Репрезентация архаических представлений юганских ханты в живописи П. Бахлыкова // Концепт. 2019. № 4. С. 290–297. DOI 10.24411/2304-120X-2019-15014.
10. Куликова И. М. Этнические конструкты сквозь призму концепций «идеальной реальности» в творчестве Геннадия Райшева // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 780–791. DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-4-780-791.
11. Ларкович Д. В. «Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 40–52. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-1-40-52
12. Мифы народов мира: Энциклопедия. Электронное издание / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Дрофа, 2008. 1147 с. URL: http://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (дата обращения: 15.04.2020).
13. Подвижник из Угута: Бахлыков Петр Семенович: Неопубликованные и малоизвестные страницы творчества. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 144 с.

14. Рогачев В. А. Драма и счастье деревенской жизни на берегах юганской Оби // П. Бахлыков. Медвежья падь. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 5–16.
15. Рогачев В. А. Юганская энциклопедия подвижника Петра Бахлыкова // Подвижник из Угута. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. С. 7–28.
16. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.
17. Федоров В. Тема природы и экологии в творчестве В. Астафьева и С. Залыгина // Вестник УЛГТУ, 2017. № 2. С. 36–42.
18. Цветова Н. С. Валентин Распутин в слове и за словом. СПб: Алетейя, 2018. 187 с.
19. Цымбалистенко Н. В. Утопический и антиутопический дискурс в произведениях писателей Ямала // Воронежская филологическая школа: история, традиции, современность. Воронеж: Изд. Дом ВГУ, 2019. С. 186–196.
20. Gieysztor A. *Mitologia Słowian*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2006. 407 p.
21. Parte K. *Russian Village Prose: The Radiant Past*. Princeton: Princeton University Press, 1992. Т. XVII, 194 p.
22. Rudziewicz I. *Człowiek i przyroda w twórczości Siergieja Zalygina*. Olsztyn: Wydawnictwa Uniwersytetu Warmińskomazurskiego, 2003. 258 p.
23. Schweitzer A. *Kultur und Ethik: Kulturphilosophie. Zweiter Teil*, C. H. Beck: Verlagsbuchhandlung München, 1923. 280 p.
24. Wilson E. O. *Biophilia*. Cambridge: Harvard University Press, 1984. 157 p.

References

1. Bakhlykov P. *Medvezhja pad': Roman* [The Bear Creek Valley: Novel]. Tyumen: Soft Design Publ., 1997. 240 p. (In Russian)
2. Bakhlykov P. *Juganskije khanty: istorija, byt, kul'tura* [The Yugan Khanty: history, life, culture]. Tyumen: Soft Design Publ., 1996. 208 p. (In Russian)
3. Belaya G. *Vsechelovecheskoje bytije* [Universal Being]. *Voprosy literatury* [Issues of Literature], 1981, no. 3, pp. 48–53. (In Russian)
4. Voldina T. V. *Obraz dreva zhizni v traditsionnoj kul'ture obskikh ugrov v kontekste reinkarnatsii* [The image of the tree of life in traditional culture of the Ob Ugrians in the context of reincarnation]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World], 2015, no. 4, pp. 84–90. (In Russian)
5. Galimova E. Sh., Tsvetova N. S. *Dinamika mediaprezentatsii odnogo literaturnogo fenomena* [Dynamics of media presentation of one literary phenomenon]. *Vestnik SPbGU. Jazyk i literatura* [Bulletin of Saint-Petersburg State University. Language and literature], 2017, no. 14 (4), pp. 650–663. (In Russian)
6. Diltey V. *Tipy mirovozzrenija i obnaruzhenije ih v metafizicheskikh sistemah* [Types of worldview and their detection in metaphysical systems]. *Kul'turologija. XX vek: Antologija* [Culturology. XX Century: Anthology]. Moscow: Yurist Publ., 1995. pp. 213–255. (In Russian)
7. Dmitrieva M. V. *Naivnaja zhivopis' Petra Bachlykova v kontekste zhanra* [Naive painting by Peter Bakhlykov in the context of the genre]. «*Bachlykovskije chteniya*»: *Materialy Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferensii s mezhdunarodnym uchastijem, 14–17 sentyabrja, 2014* [The «Bakhlykov's Readings»: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, September 14–17, 2014]. Surgut: RIO SurKHPU Publ., 2016. pp. 99–103. (In Russian)
8. Zalygin S. P. *Komissija: Roman* [The Commission: Novel]. Moscow: Sovremennik Publ., 1988. Available at: https://dom-knig.com/read_250050-1 (accessed December 18, 2019). (In Russian)
9. Kulikova I. M. *Reprezentatsija arkhaiskich predstavlenij uganskikh khanty v zhivopisi P. Bakhlykova* [Representation of archaic views of Yugan Khanty people in painting by P. Bakhlykov]. *Kontsept* [Concept], 2019, no. 4, pp. 290–297. DOI 10.24411/2304-120X-2019-15014. (In Russian)
10. Kulikova I. M. *Etnicheskie konstrukty skvoz' prizmu kontseptsij «ideal'noj real'nosti» v tvorčestve Gennadija Rajsheva* [Ethnic constructs through a prism of conceptions of «ideal reality» in creativity of Gennadiy Rayshev]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, no. 8 (4), pp. 780–791. DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-4-780-791. (In Russian)
11. Larkovich D. V. «*Yugorskij tekst*» kak literaturnaja real'nost': k postanovke problemy [«Yugra text» as a literary reality: to the statement of the problem]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (1), pp. 40–52. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-1-40-52. (In Russian)
12. *Mify narodov mira: Jenciklopedija. Jelektronnoe izdanie* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia. Electronic edition]. Ed. by S. A. Tokarev. Moscow: Drofa Publ., 2008. 1147 p. Available at: http://w.ww.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (accessed April 15, 2020). (In Russian)

13. *Podvizhnik iz Uguta: Bakhlykov Petr Semenovich: neopublikovannye i maloizvestnye stranitsy tvorchestva* [The devotee from Ugut: Bakhlykov Peter Semyonovich: unpublished and little-known pages of creativity]. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki Publ., 2000. 144 p. (In Russian)
14. Rogachev V. A. *Drama i schastje derevenskoj zhizni na beregah Yuganskoj Obi* [Drama and happiness of village life on the banks of the Yugan Ob]. P. Bakhlykov. *Medvezhja pad'* [P. Bakhlykov. The Bear Creek Valley]. Tyumen: Soft Design Publ., 1997. pp. 5–16. (In Russian)
15. Rogachev V. A. *Yuganskaja entyclopedija podvizhnika Petra Bakhlykova* [Yugansk's encyclopedia of the devotee Peter Bakhlykov]. *Podvizhnik iz Uguta* [The devotee from Ugut]. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki Publ., 2000. pp. 7–28. (In Russian)
16. *Slavjanskaja mifologia: Entsiklopedicheskij slovar'* [Slavic mythology: Encyclopedic dictionary]. Moscow: Ellis Lak Publ., 1995. 416 p. (In Russian)
17. Fedorov V. *Tema prirody i ekologii v tvorcestve V. Astaf'jeva i S. Zalygina* [The theme of nature and ecology in the works by V. Astafyev and S. Zalygin]. *Vestnik UIGTU* [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University], 2017, no. 2, pp. 36–42. (In Russian)
18. Tsvetova N. S. *Valentin Rasputin v slove i za slovom* [Valentin Rasputin in the word and beyond the word]. Saint-Petersburg: Aleteija Publ., 2018. 187 p. (In Russian)
19. Tsymbalistenko N. V. *Utopicheskij i antiutopicheskij diskurs v proizvedenijah pisatelej Jamala* [Utopian and anti-utopian discourse in the works of Yamal writers]. *Voronezhskaja filologicheskaja shkola: istorija, traditsii, sovremennost'* [Voronezh School of Philology: history, traditions, modernity]. Voronezh: Izd. Dom VGU Publ., 2019. pp. 186–196. (In Russian)
20. Gieysztor A. *Mitologia Slowian*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2006. 407 p. (In Polish)
21. Parthe K. *Russian Village Prose: The Radiant Past*. Princeton: Princeton University Press, 1992. XVII. 194 p. (In English)
22. Rudziewicz I. *Czlowiek I przyroda w twórczości Siergieja Zalygina*. Olsztyn: Wydawnictwa Uniwersytetu Warminkomazurskiego, 2003. 258 p. (In Polish)
23. Schweitzer A. *Kultur und Ethik: Kulturphilosophie. Zweiter Teil*. C. H. Beck: Verlagsbuchhandlung, München, 1923. 280 p. (In German)
24. Wilson E. O. *Biophilia*. Cambridge: Harvard University Press, 1984. 157 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликова Ирина Михайловна, доцент кафедры философии и права, Сургутский государственный университет (628412, Российская Федерация, г. Сургут, ул. Ленина, д. 1), кандидат филологических наук.
kim0153@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5472-6024

ABOUT THE AUTHOR

Kulikova Irina Mikhaylovna, Associate Professor, Department of Philosophy and Law, Surgut State University (628412, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Surgut, Lenin St., 1), Candidate of Philological Sciences.
kim0153@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5472-6024